

Нина Линдт

ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ. ИНЫЕ ГОРОДА
ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ. ДЕМОНИАДА
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МАРГАРЕТ?

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Нина Линдт

Говорящая с призраками.
Демониада

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2021

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л59

Серия основана в 2011 году
Выпуск 584

Художник
Е. Никольская

Линдт Н.

Л59 Говорящая с призраками. Демониада: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 280 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3188-5

Прыгнуть через магический костер Матери — еще полбеды. А вот как быть с архангелом, открывшим на тебя охоту, демоном, который так и норовит соблазнить, и призраком папы римского, которого ты сама же и откопала в подземельях Ватикана? Не знаешь? А придется думать быстро: Зло копит силы и уже идет по твоим стопам, Настя...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Нина Линдт, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ISBN 978-5-9922-3188-5

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.

М. Ю. Лермонтов

ГЛАВА 1

Люцифер был огромен и мощен, от страха перед падшим ангелом внутри худощавого и увертливого существа все замирало, а лысый хвост с острым, как нож, кончиком нервно бился о землю, случайно вонзился в нее и долго дергался, прежде чем освободиться.

— Когда?

Язык такой древний, что существо расшифровывало его с трудом. Язык стихий и ветра.

Услужливо поклонившись, существо шепнуло:

— Скоро, повелитель. Она почти наша.

— Поторопитесь.

Люцифер отвернул свою чешуйчатую уродливую голову от вертлявого шайтана. Скоро, Самаэль... Скоро твоя власть кончится. И ты заплатишь за все зло, что причинил ангелам и демонам.

В окно загородного дома светило солнце, в открытую форточку рвался, надувая паруса тонких занавесей, свежий весенний воздух и дышал в лицо женщине, которая спала на большой двуспальной кровати. Она лежала на одной ее половине, а вторая была свободна. Ощущая сквозь сон прохладу и свежесть утра, она все

больше куталась в пуховое одеяло, отворачиваясь от света, но понимала, что придется встать. Нехотя отбросила одеяло, захлопнула форточку и тут же вернулась в постель, ежась и греясь в теплом уютном гнездышке.

Едва она улеглась с блаженной улыбкой и затихла, послышался шорох возле двери. Кто-то скребся в нее, пытаясь открыть, и наконец дверь подалась. В комнату вошла серая кошка и тут же прыгнула на хозяйку, устраиваясь на одеяле. Она мяла его лапами, словно проверяя на мягкость и нащупывая место поудобнее, и в конце концов устроилась на животе.

Хотелось лежать так как можно дольше, продумывая дела на день, и ничего не делать, чувствуя легкую негу во всем теле. Но нега постепенно сменялась усталостью, которая бывает по утрам, если долго лежать в постели, и она нетерпеливо пошевелилась. Надо было спускаться вниз, готовить кашу детям, кормить кошку... Она представила себе запах утреннего горячего ароматного кофе и даже улыбнулась от удовольствия. Эта фантазия дала ей сил на то, чтобы сбросить кошку, откинуть одеяло и встать, схватить халат и завернуться в него. Она вышла в коридор. Комнаты детей были закрыты, в коридоре царил приятный сумрак и было теплее, чем в комнате. Не спеша умылась, спустилась вниз по деревянной лестнице и стала готовить кашу и кофе. Кошка побежала вслед и теперь терлась об ноги, приподнимаясь на задних лапах и волной своего гибкого тела ласкаясь о хозяйку.

Кошке было два года, и она напоминала несуразного подростка, этакого гадкого утенка, и Ирина улыбалась, когда шелковистая шкурка скользила по ее обнаженным ногам. Вскоре кошка подала голос, требуя завтрак, но хозяйка игнорировала ее, продолжая несложные не-

торопливые манипуляции с туркой. И только когда кухня наполнилась ароматом кофе, Ирина подошла к холодильнику. Бросив кошке рыбы, она включила радио, нашла музыку погромче, такую, что выбивает ударными все мысли из головы, и начала пританцовывать, запихнув в рот кусочек сыра. Напевая себе под нос, она разложила тарелки на столе, нарезала хлеб, расставила еду, стаканы с кефиром и наконец присела, чтобы насладиться своим кофе до того, как разбудит детей.

Это было первое утро, когда ей стало казаться, что жизнь начинала налаживаться после стольких мрачных зимних дней, горестных событий и пролитых слез. С приходом весны Ирина ощутила в себе новые силы, желание справиться со всеми трудностями и заново начать жизнь вместе с детьми и этой серой глупой кошкой. Она воспользовалась тем, что бухгалтеру позволяли брать работу на дом, и на школьные весенние каникулы поехала с детьми за город, чтобы отдохнуть и закончить некоторые дела.

Когда кофе оставалось совсем немного, она поднялась и, подойдя к лестнице, крикнула детям, чтобы они вставали.

Дом, в котором они жили, был большим, трехэтажным, со спальнями на втором этаже, гостиной на третьем, кухней и просторным холлом — на первом. Вскоре наверху послышалась музыка, это проснулась Наташа, старшая дочка Ирины. Наташе шел шестнадцатый год, она училась в школе и занималась балетом, и Ирине стоило каждый раз больших трудов заставить ее нормально питаться. Ее талант и легкость хвалили все учителя и в один голос пророчили ей большое будущее.

Ирина слушала музыку и представляла свою дочь, в розовой маечке и шортиках делающей зарядку, слышала, как она время от времени в перерывах между песнями забегала в комнату Саши и пыталась его разбудить. Саша, в отличие от Наташи, был соней и вставал с трудом, раньше его мог поднять только отец, а теперь Ирине и Наташе стоило больших усилий повторить подвиг папы, потому что Саша не принимал во внимание их требование «встать сию же минуту».

Ирина сделала глоток и с наслаждением зажмурилась. Кофе не только пробуждал, он давал ей уверенность в каждом дне. Она совсем недавно вновь пристрастилась к этому напитку, он успокаивал, маленький утренний ритуал вдохновлял на трудовую и повседневную суету. Эта страсть, зависимость, как она с удовольствием его называла, была ее единственным грехом, но грехом, помогающим забыть горе. Она открывала пакет кофе, вдыхала аромат молотых зерен, ставила турку, наливала воды... Иногда она пробовала разнообразить напиток и готовила его по рецептам разных стран. Ей нравилось поджаривать сахар в кастрюле, когда он начинал плавиться, словно лед, превращающийся в воду, а потом желтел, и начинало пахнуть жженым сахаром, когда она готовила такой кофе, куда не ехала на машине, потому что эффект от него был сродни двум бокалам хорошего вина — от него приятно кружилась голова и появлялось ощущение легкого полета.

На втором этаже слышались шаги Наташи, которая ходила из ванной в комнату, из комнаты в ванную, и все это (Ирина улыbnулась) на носочках и с поворотами и взмахами рук, будто она плывет, а не ходит. Наташа всегда отличалась раздражительностью и хрупким здо-

ровьем, и мама считала, что причина этому — постоянная суровая диета, которой истощала себя девочка. Но в то же время на щеках ее всегда играл легкий и здоровый румянец, каскад темных блестящих крепких волос, стянутых в строгий хвост, доставал ей до ягодниц, и, когда она резко поворачивалась, волосы сочной волной разлетались по воздуху, и Ирина не раз замечала в глазах окружающих мужчин восхищение. Но Наташа была равнодушна к мужскому полу, она была слишком увлечена танцами и учебой, чтобы тратить время на ранние романы.

Девятый час. Ирина поставила чашку на блюдце и поднялась к кастрюле с кашей, пыхтевшей на плите. Послышались быстрые шаги, Наташа всегда слетала вниз, так быстро перебирая ногами, что напоминала Джульетту в исполнении Улановой, столько волнения и тревоги, столько врожденной грации было в девочке, спускавшейся с лестницы. В декабре дочь выиграла конкурс и теперь готовилась к первому в своей жизни серьезному спектаклю. И хотя было заранее понятно, что девочка вряд ли станцует партию Жизели — она была пятой в очереди на замену главной исполнительницы Стаси Волиной, — Наташа добросовестно разучивала ее.

Не раз она признавалась маме, что с большим удовольствием станцевала бы в любом другом спектакле — мрачная история Жизели ей была не по душе. Но возможность была единственной, и Наташа уцепилась за нее, побеждая трудолюбием и рвением то, к чему у нее не лежало сердце.

Девочка подскочила к маме и красиво забросила руки ей на шею. Глядя на ее личико, Ирина вдруг подумала, что так обычно обнимают героев-любовников в

фильмах, ей вспомнился момент из «Унесенных ветром», и она улыбнулась, целуя ребенка в нос.

— А Саша?

— Спит. — Наташа села за стол и взяла стакан с кефиром.

Ирина вышла в коридор и, как обычно, крикнула, что они садятся завтракать и, если он не спустится, будет завтракать в одиночестве и после мыть посуду. Саша что-то пробурчал в ответ, и женская половина дома приступила к завтраку.

Ирина выключила радио.

— Что тебе снилось? — спросила Ирина, отрезая сыр тонким ножом. Наташа улыбнулась и запихнула в рот ложку с кашей.

— Опять снилось, что я вышла на сцену, забыв причесаться и в каком-то немыслимом костюме. Вроде как торопилась и не успела загримироваться, чувствовала себя ужасно, но потом партнер меня не подвел, и мы все станцевали. А тебе?

Ирина вспомнила интерьеры в своем сне: прозрачные стены, через которые были видны другие комнаты, люди, которые, как и она, были заключены в ледяном плену. Она касалась холодных стен, шла вдоль них, под теплом ее ладоней стены таяли, но не настолько, чтобы пропустить ее в соседние комнаты. Кто-то из заключенных обреченно сидел на полу и пытался согреться, кто-то учащенно дышал на стену, пытаясь сделать отверстие, кто-то бился, кто-то кричал. Ирина не спешила освободиться, ей некуда было идти. Она понимала, что, даже проломив стену, она лишь окажется в соседней камере и это ничего не даст ни ей, ни тому, кто заключен там. Неожиданно она услышала голос Андрея, своего мужа, и рванулась к стене, возле которой он сто-

ял. У них появился смысл бороться со льдом — они хотели быть друг с другом. Оба начали растапливать лед, как могли, но стены становились только толще, и им было все хуже видно друг друга. Соседние стены таяли, а стена, разделяющая ее с мужем, увеличивалась в ширину. Наконец Ирина оказалась окружена людьми из соседних камер, а мужа даже уже не было видно за толстой глыбой льда.

После этого сна ей снились другие, более веселые, и Ирина рассказала о них Наташе, не обмолвившись и словом о том, что ей снился Андрей.

Со второго этажа с грохотом спустился сонный и злой Саша. Он всегда был мрачным по утрам, в семье уже к этому привыкли и терпеливо ждали, когда он позавтракает и придет в себя после ночи. Он начал ворчать сразу, как только вошел: почему его не разбудили раньше, зачем Наташка каждое утро врывается к нему в комнату, он имеет право просыпаться по-своему, а эту кашу вообще не любит, давно просит у мамы сырники, но из-за сестры вынужден есть только каши, а с его мнением вообще не считаются, и вот даже кошка спит на его стуле, он не пьет кефир и по утрам мало ест, почему чай остыл, зачем в такую маленькую чашку налили...

Наташа и мама слушали эту тираду, они знали, пока он не выговорится, не успокоится. Ирина закончила есть, налила себе и Наташе чаю, дала распоряжения детям по поводу дел, которыми они должны были заняться в ее отсутствие, и отправилась наверх переодеваться.

Она поднялась в спальню и достала из шкафа брюки и блузку. Вытащила большой пакет, где лежали папки с документами, и тяжело вздохнула — ей не нравилась

вся эта бумажная волокита, но дела нужно было делать, иначе со временем все эти проблемы только увеличатся.

Она моталась между Москвой и загородным домом, собирая бесконечные справки и свидетельства, чтобы оформить участок, дом, квартиру и все остальное имущество, — наследственное дело, которому не было ни конца ни края.

Ирина открыла гараж и села за руль машины. На мгновение возникло странное ощущение — казалось, в это утро что-то изменилось во всех предметах, что ее окружали, но она тут же прогнала эту мысль прочь, такое случалось с ней в минуты беспокойства.

Ключ зажигания скользнул из рук, но она успела поймать его за брелок. Серебристый значок «ауди» сверкнул в полумраке салона. Ирина снова попыталась сосредоточиться, предстояла всего лишь пустячная поездка в город, не более десяти—пятнадцати минут в пути, но иногда страх перед железным конем накатывал так неожиданно, что ей с трудом удавалось взять себя в руки.

Она выехала из гаража, закрыла его, вышла через крыльцо, открыла ворота участка и снова села в машину. Автомобиль, покачиваясь в стаявшей колее, выехал за участок.

В дороге Ирина всегда включала радио — было невыносимо ехать в тишине с тяжелыми мыслями наедине. Она находила веселую быструю музыку и мчалась по дороге, подпевая знакомым песням. Но пока ехала по заснеженному поселку, ей казалось, что ее ночной сон существует среди этих покрытых по-весеннему ноздреватым снегом деревьев и безжизненных домов, брошенных хозяевами до летнего сезона. Мысли об

Андрее становились все навязчивей, и она уже слабо сопротивлялась им, желая снова ощутить знакомую горечь и боль в груди, которые всегда появлялись при воспоминаниях о нем.

А этот солнечный весенний день был так похож на тот воскресный январский, когда температура поднялась до нуля, солнце грело с необыкновенной щедростью, и они решили пойти всей семьей в парк, который находился возле их дома. Дети и Андрей взяли лыжи, Ирина не захотела в тот день кататься, несмотря на яркое солнце и легкий воздух, на душе было тяжело. Она плохо спала всю ночь, постоянно просыпаясь от неприятных видений, сменявших друг друга в бесконечной круговерти, от которой у нее кружилась голова, даже когда она просыпалась и смотрела в темноту. Утренний душ ее немного взбодрил, а когда она вышла из ванной, ее ждал знаменитый кофе, который умел готовить только ее муж.

Она познакомилась с ним во время своей спонтанной поездки в Аргентину. Они с Андреем ехали в группе русских любителей танго, которые решились отправиться на родину страстного танца и научиться премудростям и приемам непосредственно у аргентинцев. Для Ирины это была авантюра, поскольку именно тогда она впервые приняла мгновенное, необдуманное и не взвешенное как следует решение ехать, несмотря на учебу, работу и другие планы. Дни и ночи проходили в танцах и прогулках, но Ирина и Андрей практически не общались, во время танго разговаривать не принято, а во время прогулок каждый шел в свою компанию. Рано утром, пока все спали после ночи танцев, Ирина поднималась и гуляла по утреннему полупустому центру Буэнос-Айреса, разглядывая витрины и рассмат-

ривая людей на улицах. Ей нравилось одиночество, она упивалась им как редким напитком и всякий раз думала, насколько отличается ее самоощущение здесь от самоощущения в Москве. Словно она сбросила с себя задубевшую кожу или кокон и явилась всему миру бабочкой, легкой и свободной. Она шла и улыбалась прохожим просто потому, что ей хотелось, чтобы они знали: она счастлива. Потом сядила в кафе рядом с гостиницей, пила кофе с шоколадными пончиками и радовалась тому, что ее не мучают угрызения совести по поводу поглощаемых калорий. Она как раз впилась в горячий пончик, когда кто-то отодвинул стул возле ее столика и спросил:

— Можно присесть?

Ирина подняла глаза и увидела Андрея. Торопливо откусывая пончик и проклиная себя за то, что измазалась вся шоколадом, она утвердительно кивнула. В это время Андрею принесли меню, и, пока он забирал его у официанта, Ирина успела вытереть шоколадные разводы на лице. Она была крайне недовольна таким внезапным вмешательством в ее утреннее одиночество, но никоим образом это не показала, мило улыбнувшись Андрею, спросила, что подняло его так рано.

— А я, как и ты, жаворонок. А запах кофе манит меня сюда каждое утро.

Андрей радостно кивнул официанту и вдохнул аромат горячего кофе.

— Божественно! — протянул он, мечтательно улыбаясь.

— Да, здесь и в самом деле кофе какой-то особенный. Не знаю, в чем секрет, но я больше нигде такого ароматного не пробовала...

— У бариста должен быть секрет приготовления... — Андрей на мгновение задумался, сделал глоток и посмотрел на Ирину. — Пойду спрошу, в чем этот секрет состоит...

— Думаешь, он скажет тебе?

— Скажет, — улыбнулся Андрей. Ирина хотела еще что-то добавить, но он уже поднялся и подошел к официанту. Поговорив, отправился вслед за ним на кухню, но перед тем, как скрыться, повернулся к Ирине и подмигнул ей. Ирина опешила, но продолжала с любопытством ждать результатов разведки.

Андрей вернулся минут через семь, с таинственным видом убирая записную книжку в карман, сел рядом с Ириной и многозначительно помешал ложкой в чашке, сделав глоток.

Ирина ждала его комментария, но он молчал, и она, не выдержав, спросила:

— Ну и?

Андрей поднял на нее смеющиеся глаза и, чтобы не улыбнуться, поднес ко рту чашку. Она только сейчас заметила, какие у него красивые глаза — синие, как васильки.

— Я взял рецепт, — сказал он.

— И в чем же секрет бариста? Мне тоже хотелось бы научиться готовить такой кофе.

Она уже ругала себя за это любопытство, но желание увезти с собой секрет было сильнее стеснения. Андрей поставил пустую чашку на блюде и, повернувшись к Ирине, сказал:

— Тебе вовсе не обязательно знать, как его готовить, я это буду делать для тебя каждое утро.

Ирина замерла, растерянно подбирая подходящую реакцию на подобную реплику, но достойного ответа не нашла и просто улыбнулась.

— Не думала, что ты такой самонадеянный, — сказала она и поднялась. Он тоже встал, оставив щедрые чаевые для официанта, и они вместе вышли из кафе.

Два месяца спустя Андрей впервые приготовил ей тот самый волшебный кофе. Когда они поженились, он уходил на работу раньше ее, и Ирина ждала выходных, чтобы вновь вернуть себе ощущение того аргентинского утра. Как она ни просила его открыть секрет, Андрей отказывался, оправдывая себя тем, что не делает этого из суеверия, потому что именно этот рецепт позволил познакомиться с ней.

В то январское утро (как обычно пишут в бульварных газетах или в начале романов, «в то утро ничто не предвещало беды») кофе ждал ее на кухне, Ирина, завернувшись в махровый халат, села на стул и с блаженством вдохнула знакомый аромат. Она пила и наблюдала за Андреем и детьми, вместе готовящими завтрак.

Ирина окинула взглядом их просторную кухню и потянулась. Андрей был преуспевающим бизнесменом и недостатка в средствах не испытывал. До того как они поженились, они жили в его двушке в центре города, потом купили большую квартиру на севере Москвы. Обстановкой занимались, ориентируясь на будущее потомство, оба очень хотели детей. Ирина спокойно уходила в декрет, изредка приезжая на работу, чтобы отдать документы или сдать отчеты, там ее ценили и давали возможность работать на дому.

Их семейная жизнь была полна света, как и их дом. Окна выходили на восток и юг, сквозь тонкие занавеси

по утрам всегда светило солнце, и все, за исключением разве что Саши, вставали рано. Выходные проводили вместе, дети не отходили от Андрея, вместе с ним готовили, гуляли, делали уроки. Наташа давала небольшие представления, и родители восхищались ее прекрасной осанкой и грацией, словно не верили, что это их творение.

Они вышли из дома, шумно и весело дошли до парка, Андрей и Саша надели лыжи сами, Ирина помогла Наташе и пошла рядом с лыжней. С елей осыпался снег, в парке было свежо и чисто, народу было мало.

Ирина шла рядом с Наташей, подбрасывая пушистый снег ногай, чувство бытия переполняло ее, как будто она проснулась от сна и теперь находилась в реальном мире. Проблемы, воспоминания, планы не мучили, она жила прекрасным моментом, голосами близких, чириканьем птичек, далекими звуками дороги, по которой неслись машины. Из мира суеты они ушли в таинственный мир тишины и покоя, и Ирина чувствовала полноту каждой секунды, насыщенность минут и бесценность часов, что они провели на прогулке.

Возвращались румяные и уставшие, но бесконечно счастливые и довольные. Все негативные пустые мысли остались в парке, запутались на ветках елей, зацепившись за иголки.

После обеда Андрей решил съездить с Сашей в магазин техники и купить ему плеер и наушники. Они уехали, а Наташа и Ирина остались дома смотреть фильм. Забравшись на кресло с ногами, грея руки о чашку чая, в котором перевернутой лодочкой плавал лимон, Ирина наблюдала за красивой историей любви и понимала, что переполнена счастьем.

Резкий телефонный звонок не сразу отвлек ее от созерцания себя самой. С того момента она стала бояться и телефонных звонков.

Андрей и Саша попали в аварию — внезапно их занесло на дороге и, столкнувшись с небольшим грузовиком, они вылетели в кювет. Машина несколько раз перевернулась. Врачи утверждали: это чудо, что Саша остался жив и получил лишь ссадины и порезы. Андрей погиб на месте еще до приезда врачей. Сидя в коридоре больницы, Ирина ощутила страшный холод, который сковал ее и не отпускал из цепких объятий. Казалось, она стояла посреди того ледяного шоссе голая, брошенная, и на нее неслась машина, за рулем которой ее муж тщетно старался выровнять непослушный автомобиль.

Передние колеса повело вправо, и Ирина, очнувшись от воспоминаний, успела выправить ситуацию. Потом сделала музыку громче, но прошлое не желало отступить. Она вспомнила свое возвращение в дом, вдруг ставший пустым и мрачным, и не могла, все не могла поверить, хотя на ее руке и рыдала Наташа, что он сюда больше не вернется. Что сегодняшнее утро было последним, что радость этих лет, этого яркого сна закончилась.

Она поверила потом, когда на руках оказалось свидетельство о смерти, и позже, когда смерть Андрея шагала рядом с ней за его гробом, отвратительная, мерзкая, холодная смерть, которая пришла посмотреть, как Ирина будет хоронить свое счастье.

Ирина не понимала, не могла осознать трезво, спокойно и разумно свою потерю. Все, что было: слезы,

крики, молчание, отупение, холодное спокойствие, слабость в ногах — все это было лишь чувствами, эмоциями. В то время ей казалось, что должен существовать некто, виновный в ее потере. И хотя экспертиза доказала, что это был несчастный случай, Ирина долго сомневалась, настолько, что доводила Сашу до слез расспросами о последних мгновениях той роковой поездки в магазин. Саша и без того чувствовал себя виноватым в гибели отца, если бы не его спешка получить плеер, все могло бы быть иначе.

Ирина была жестока. Ярость от того, что они не заслужили подобное, вселила в сердце зависть к тем, кто приходил с соболезнованиями, глухая злоба клокотала в сердце, и она душила ее в себе усилиями, достойными титана. И все же, когда они оставались втроем, раздражение вырывалось наружу, и Наташа с Сашей с трудом могли понять свою маму, всегда такую спокойную, когда она фурией носилась по квартире, разговаривая сама с собой.

Она говорила с ним. Упреки, обвинения, мольбы сыпались одно за другим, падая в тишину, которая всасывала их, жадно поглощая. Слова не звенели в пустоте, они сразу исчезали, едва успевая сорваться с губ, Ирина сама не слышала, что говорила.

Иногда она пугалась слов, что вдруг доходили до ее сознания. Те слова, что вылетали у нее изо рта, были не теми, что она хотела сказать. Вслух она ругала Андрея, проклинала его, клокотала от злобы и ненависти, но мысли ее были другими — она звала его, умоляла вернуться, просила чуда, ласкала нежными мягкими словами.

Чуда не было.

Иногда ей снилось, что он не умер или умер, но гроб откопали и оказалось, что он спал, и все они снова были счастливы. Андрей был, правда, молчалив и печален, но это лишь потому, что еще не успел прийти в себя после летаргического сна, думала Ирина. Он всегда воскресал в ее снах, и она была снова и снова счастлива, не понимая, что сама себя обманывает. Ей хотелось уснуть надолго, дольше чем на ночь, чтобы продлить душевное спокойствие, которое было возможно только рядом с ним.

Ирина сердито захлопнула дверь машины и, скрестив руки на руле, положила на них голову. Не получилось! Опять! Опять проблемы, снова нотариус, справки, заявления, свидетельства... сколько можно? У нее складывалось впечатление, что кто-то нарочно мешает ей оформить наследство на дом и участок, потому что с квартирой и банковскими счетами у нее проблем не возникало. На нее сейчас смотрели как на преступницу и вора, хотя она пришла с документами и справками.

А ведь она считала, что собрала все, что просили, надеялась, что дело продвинется хоть немного. Не получается. У нее ничего не получается. Она привыкла жить с Андреем как за каменной стеной, позволяя ему самому справляться с документами и делами, не задумываясь ни о чем. А теперь как обухом по голове — «нам нужен другой вид справки», «здесь не поставлена печать нотариуса», «сделайте выписку из государственного реестра», «возьмите справку из ЗАГСа», «вам нужно сделать съемку участка» и т. д. И каждый раз, вместо того чтобы принять ее документы, они придумывают новую причину, чтобы послать в другие конто-

ры, заставить бегать, собирать справки, и при этом смотрят так странно, будто она прокаженная.

— Да сколько же это может продолжаться?! — взвыла она вдруг в тишине салона. Несколько раз ударила по рулю в бессильной ярости. Едва найденное этим утром равновесие полетело в тартарары. Стало еще хуже, чем было. Она заплакала, злость и ненависть выжигали все в душе.

Заведя машину, Ирина выехала со двора на дорогу. Наверно, надо было согласиться на предложение комендантши их дачного кооператива, которая работала там с незапамятных времен, еще до того, как ее муж стал председателем кооператива. После гибели Андрея она подошла к Ирине и предложила помочь с наследственными делами, но Ирина тогда еще не понимала всех сложностей процесса и отказалась от помощи, несмотря на то что комендантша предупредила ее о трудностях. Трудности! Да это просто тупость и дикое упрямство чиновников, какое-то нечеловеческое отношение к людям и трепетное обожание всевозможных бумажек и справок.

Трудности!

Трудности были в ее жизни. Она оказалась одна с двумя детьми перед бюрократическим аппаратом, перемалывающим жизни сотен таких же, как она, ежедневно. Она была одна, спала одна, думала и заботилась о семье одна...

«Как ты посмел уйти от нас!» — Ирина вздрогнула, услышав собственный голос, и очнулась. Она уже въезжала в поселок, но не помнила дороги обратно.

В этот момент зазвонил мобильный. Ирина нажала на прием звонка, и приятный нежный голос полился по салону:

— Добрый день, Ирина. С вами говорит Кира Стрельцова из адвокатской конторы «Кира и К». Со мной связались ваши друзья, сказали, вы ищете адвоката для решения наследственных дел. Готова вам помочь.

ГЛАВА 2

Наташа соврала маме. Во сне она видела вовсе не выступление на сцене. Вот уже много ночей подряд ей снился один и тот же сладостный сон.

То ли подростковый возраст с фазой полового созревания, то ли внезапная потеря мужского авторитета и опоры в семье — только Наташа с замиранием сердца стала прислушиваться к голосам мужчин, анализировала их фигуры, отношение к ней, поведение, надежность и даже привлекательность. И беспокойство понемногу стало частью ее бытия. Она мечтала о любви и серьезном романе. Ее не привлекали бесполезные свидания и безнадежные ребята, она искала кого-то одного на всю жизнь. И была уверена, что найдет.

Она была умной девочкой и понимала, почему ей нужен мужчина. Не для любопытства «а что это такое секс — слово, произносимое шепотом или нарочито гордо?», не для демонстрации своего взросления: «Ленка уже целуется взасос, чем я хуже?» — а для обретения душевного мира, поколебленного после гибели папы. Ей нужен был мужчина, который возьмет на себя заботу о ней, закроет ее от тягот и невзгод, и она сможет расцвести и расправить крылья. Ей хотелось любви.

В школе она смотреть не могла на ребят вокруг себя — они казались ей не доросшими до звания мужчины карликами, которые через поглощение алкоголя

и курение пытались вырасти в глазах девчонок. Наташа на подобные фокусы не покупалась.

Дима Межев сходил по ней с ума. Так говорила вся школа. Он плакал возле ее подъезда, писал ей на асфальте признания, звонил несколько раз на дню. Наташа оставалась непреклонной, хоть ей и было жаль Димку — он был хорошим мальчиком, но, увы, мальчиком, а ей нужен мужчина.

Мама не могла понять жестокости дочери по отношению к однокласснику. Мама много чего не может понять, она тоже потерялась в мире после смерти папы.

Она мечтала станцевать Джульетту. Не Жизель, умирающую от горя и слабости, а Джульетту, приносящую свою жизнь на алтарь любви. Действие, решительность, стремление быть с любимым любой ценой — Наташа была уверена, что сможет, как никто, выразить это в танце.

Она часами репетировала в большом зале на третьем этаже их дома, где отец поставил зеркальную стену. Она настолько уходила в балет и учебу, что потеряла былой контакт с Сашей.

Раньше они часами болтали вдвоем, даже пока она занималась у станка. Придумывали различных героев, болтали за них не переставая, разыгрывая самые разные ситуации. Ни Наташа, ни Саша не нуждались в друзьях, потому что в семье находили все, что было необходимо.

Теперь Наташа не знала о своем брате ничего. Он стал для нее отстраненной фигурой, и ей еще больше хотелось мужского участия и любви.

Она не рассказывала маме, но в последнее время ей стал сниться один мужчина. Его лица она не видела, он всегда был в полутьме, но Наташа могла поделиться с ним чем угодно, он всегда ее понимал. Наташе было почему-то стыдно рассказать маме о незнакомце, да и потом, она боялась, что, если расскажет, он больше не придет.

Наташа придумывала простенькие сны, рассказывала о них маме и в нетерпении шла спать, предчувствуя скорую встречу. Образ незнакомца манил, она окружила его своими фантазиями, в ореоле которых он становился все ближе и все милее.

Она помнила их первую встречу.

Она уснула после скучных посиделок в школе на Восьмое марта, на тумбочке стояли подаренные Димой белые розы.

Он пришел во сне, шагнул к ее кровати от окна и решительно смахнул вазу с цветами. Розы и ваза бесшумно упали на пол. Наташа смотрела на него без страха, с любопытством. Она видела этого мужчину впервые. Он был сильным, большим, его темная фигура источала вселенскую тьму. Он решительно схватил ее за плечи, погладил по шее и наклонился, чтобы поцеловать.

Наташа отстранила его.

— Кто ты?

Он замер. Потом в темноте и звенящей тишине прозвучал его мягкий голос:

— Почему ты не спишь?

— А почему ты смахнул цветы?

— Потому что тебе не нравится этот мальчик.

— Ты прав. Откуда ты это знаешь?

— Знаю.

Она приподнялась на локте. Его лица все равно не было видно, только угадывались широкий лоб и мягкие губы.

— Ты на самом деле существуешь?

— Я только твое сновидение, конечно.

Он показался ей расстроенным. Она коснулась его теплой руки.

— Тебе грустно?

— Нет. Мне хорошо.

— Почему ты хотел поцеловать меня?

— Ты мне нравишься.

— Ты же меня никогда не видел!

Незнакомец смутился.

— Мне пора, — наконец произнес он.

— Ты можешь вернуться, когда тебе станет грустно, — сказала Наташа.

— Если я вернусь, тогда грустно будет тебе.

Когда он вернулся, она ждала его. Они снова говорили. Обо всем на свете, как раньше она разговаривала с папой или братом. Им было нескучно. Они встречались в разных снах, он то спасал ее, то развлекал, то смешил. Они сближались.

Наташа стала думать о своих сновидениях дни напролет, мечтая встретить такого мужчину наяву. И она очень скоро захотела, чтобы он поцеловал ее. Но он словно не угадывал в ее молящем взгляде этой просьбы. И оттого Наташа жаждала его поцелуя сильнее с каждым днем.

А он по-своему любил ее, поэтому не хотел причинять вреда своим поцелуем. Он знал, что если поцелует эту милую, добрую, открытую девочку, то сломает. Их

отношения были для него странными, он никогда не слышал, чтобы кто-либо еще из его расы привязывался к человеку. Он боялся, что об этом узнают и причинят Наташе боль.

Однажды она отвела его на третий этаж и станцевала перед ним кусочек из партии Жизель. Тонкая девочка в белой ночной рубашке, окутанная лунным сиянием, и правда была похожа на призрак. И он решил, что сделает все, чтобы она попала на сцену.

Адвокат приехала вовремя. Кира оказалась молодой и привлекательной брюнеткой с глазами разного цвета: один был голубым, другой зеленым.

— Я приношу удачу, — пошутила Кира. Видимо, не в первый раз на нее при знакомстве смотрят так ошарашенно.

— Простите. — Ирина от неловкости не знала, куда деваться.

Но Кира мягко улыбнулась и взяла ее руку в свои ладони:

— Со мной вам не о чем беспокоиться, Ирина.

Она спокойно сидела за кухонным столом и изучала документы. Когда Ирина пригласила ее на обед, поблагодарила и осталась. Потом они пили чай вдвоем на кухне, и Кира объяснила ей стратегию дальнейших действий. Ирина с облегчением понимала, что адвокат возьмет на себя большую часть работы. А запросила она сумму настолько приемлемую, что вдова даже удивилась.

Впрочем, похоже, что Кира просто прониклась историей Ирины. Скоро обе женщины расслабились и болтали как подружки.

Ирина мельком упомянула, что сегодня, задумавшись за рулем, отвлеклась от дороги и не помнила, как доехала до дома. Кира спросила, снятся ли ей кошмары. Ирина подумала, что ледяной сон с Андреем можно расценить как кошмар.

— О, тогда тебе повезло, я как раз сегодня купила один травяной сбор, который мне очень помогает. — Кира порылась в сумке и извлекла пакетик с сухой, мелко порубленной травой с разноцветными лепестками цветов. — Вот увидишь, проснешься отдохнувшая, и внимание будет лучше.

Она отсыпала Ирине щедро половину пакета, рассказала, сколько заваривать, забрала документы и уехала.

День катился к вечеру.

Ирина закончила домашние дела, сделала начатый вчера отчет и заварила себе на ночь новый чай. Ложась в постель, она подумала, что такой расслабленной и легкой она себя не чувствовала уже очень давно.

Ирина провалилась в глубокий сон без сновидений. А когда открыла глаза, все еще была ночь. Окно было открыто нараспашку, холодный воздух гулял по комнате. Она встала, чтобы закрыть его, и испуганно замерла: на подоконнике, положив ногу на ногу, сидела голая Кира. Ее разноцветные глаза слегка светились в темноте.

Ирина замерла в испуге. Кира легко соскочила с подоконника и, не касаясь ногами пола, подошла к ней.

— Я тебе кое-что покажу, — сказала она. — Сегодня как раз полнолуние.

Она схватила Ирину за руку, потянула за собой, и Ирина, к своему восторгу и изумлению, поплыла по

воздуху вслед за Кирой. Вдвоем они вылетели из окна.

— Постой, но как такое возможно?

— Это же сон, здесь возможно все, — улыбнулась Кира.

Они летели над поселком, Ирина совсем не чувствовала холода. Вытянув вперед руки, она увидела, как кожа при свете луны мерцает, как снег.

— Все уже собрались, — заметила Кира, когда они летели над лесом.

Кто эти все, Ирина не знала. Восторг от полета занимал ее куда больше того, куда они летят. Кира начала снижаться, внизу Ирина увидела озеро, покрытое льдом. Они встали посередине. Она видела, как снег кружится у ее ног, чувствовала лед под ногами, но холода не было.

Кира хищно улыбнулась, ее глаза — синий и зеленый — засияли ярче, губы вдруг налились алым цветом.

Вот они стояли вдвоем на пустом озере. И вот мгновение спустя оказалось, что все пространство вокруг забито странными существами, которые приветствовали ее как старую знакомую, она только успевала кивать головой. Длинный костлявый призрак, чье лицо было похоже на вытянутый человеческий череп, обтянутый кожей, пролетел мимо. На лице у него крест-накрест лежали две черные тонкие повязки, пересекаясь на носу. Он пронесся с воем и криками, она едва успела отскочить в сторону. Вслед за ним на огромных драконах, чьи хищные пасти пугали даже звезды, мелькнули обнаженные дамы. Драконы были двухговыми и смотрели в разные стороны, на дамах кроме браслетов и ожерелий ничего не было. Они все исчезли так же быстро, как и появились, через мгновение Ирина засомневалась, что видела их на самом деле.

Огромное количество людей с крыльями и хвостами, рогами и странными глазами, она не успевала поражаться богатой фантазии своего воображения.

— Демоны и шайтаны! Инкубы и прочие твари! — Кира вышла вперед, луна освещала ее голое красивое тело, все сборище завывало, залаяло, засвистело, закричало, одобрительно приветствуя. — Я, Кали, гнев и возмездие вашего Темного Повелителя, представляю вашу будущую королеву!

И, к огромному удивлению Ирины, Кира повернулась и показала на нее.

Все собрание взвыло в истерии торжества. Драконы пыхнули огнем на лед, он треснул, и все они провалились в воду. Только вместо холода Ирина ощутила жар, словно под коркой льда были горячие источники. Запахло серой, вода практически кипела вокруг от всевозможных созданий, которых порождало и порождало ее воображение.

Она плескалась и крутила головой в поисках Киры, но той уже не было. Из воды прямо перед ней вылетел огромный и длинный чешуйчатый змей, он задел бы ее хвостом, если бы сильная рука не схватила ее за плечо и не оттащила в сторону.

Бултыхаясь в горячей воде, Ирина обернулась. Это был мужчина, его рука еще лежала на ее мерцающем плече. Он скользнул по ее руке и сжал пальцы.

— Следуй за мной.

Он потянул ее за собой, на берег, где все было в цветах, желтых и белых, Ирина не успела даже подивиться тому, что уже сошел снег. Вокруг была оргия. Женские, мужские тела вперемешку совокуплялись друг с дру-

гом. Прекрасные тела, заметила Ирина. Будто съемки порнофильма. Столько поз и сладострастия кругом, куда ни глянь, ритмично двигаются тела всех тонов и размеров, ягодицы, руки, груди, лица, исступленные от страсти. Она повернулась к своему спутнику: он тоже был обнажен. По широкой груди и накачанному животу ползли капельки воды, теряясь в дорожке из волос, ведущей к его члену. Который стоял. Она повернулась к нему полностью, не стесняясь разглядывала его, словно красивую статую, а потом протянула руку и повторила путь капель воды пальцами. Сомкнула пальцы вокруг его горячего члена. Потянула на себя. Он шагнул к ней. На лице его не выражалось никаких эмоций, казалось, он спокоен, хотя его тело говорило о противоположном.

«Какой странный сон», — Ирина возбуждалась все больше. Сцены похоти вокруг сводили с ума. Можно было подумать, что весь мир только и делает, что трахается в иступлении без остановки.

— Не опускайся до них.

Она повернулась на голос. В стороне, одетый в белые одежды стоял самый красивый из всех мужчин, что она когда-либо видела. Она отпустила руку и шагнула к нему. Что ей до всех остальных, если есть этот, с глазами синими, как у ее мужа?

Она хотела спросить, кто он, но рот не открывался. Мужчина в белых одеждах провел пальцем по ее губам, и она почувствовала, как они приоткрылись.

— Кто ты?

— Ангел.

— А они? — Она повернулась показать на своего спутника и увидела, как он, потеряв к ней интерес, подошел к паре — женщина сидела на мужчине — и при-

строился к ней сзади. Та только застонала, когда он вошел в нее. Ирине стало противно.

— А они инкубы и суккубы. Демоны страсти. Умеют заниматься только этим.

Теперь, стоя рядом с ангелом, она почувствовала свою наготу и холод вокруг.

— Пойдем. — Он взял ее за руку. — Я отведу тебя домой.

Ирина проснулась, когда солнце ярко освещало ее комнату.

Снег вокруг стремительно таял, звонкая капель с крыши напоминала музыку.

Она чувствовала себя отдохнувшей и легкой. День прошел замечательно: она даже нашла ошибку во вчерашнем отчете, сделала два новых, была быстра и ловка, не отвлекалась на тяжелые мысли. После обеда позвонила Кира и сообщила о первых шагах в качестве ее адвоката. Похоже, перед ней открывались закрытые для Ирины кабинеты, так быстро продвигалось дело.

Воодушевленная и счастливая, Ирина снова заварила себе на ночь травяного настоя.

Ночью она легко поднялась с кровати, сбросила с себя ночную рубашку, влезла на подоконник и открыла окно. Запахи ночи манили и звали. Она услышала шелест сотен крыльев. Отовсюду к дому слетались вороны. Облизнула пересохшие губы быстрым и резким движением. Почувствовала приятное возбуждение. Ей принадлежал весь мир, воздух, прохлада вечера. Она улавливала движения насекомых в темноте, видела их

быстро двигающиеся крылья. Когда сова ухнула рядом с окном, она оттолкнулась ногами от подоконника и, перевернувшись в воздухе, приземлилась на четвереньки на землю.

Ветерок трепал ее волосы, которые теперь спускались до плеч. Она не думала о том, что делает, не чувствовала страха. Эта ночь принадлежала ей. Вороны облепили ее, каркая, поглаживая своими крыльями. Прямо от ног потянулась дорожка из распускающихся желтых цветов, похожих на кувшинки. Дорожка виляла и уходила прочь от дома.

Она никогда раньше не видела таких цветов: желтые, с острыми лепестками, которые раскрывались один за другим, и им не было конца, этим лепесткам. Она наступала на них, и лепестки хрустели под ногами и ломались, словно были сделаны из тонкого стекла. Ступни Ирины были покрыты порезами, но ей совершенно не было больно. На желтых разбитых цветах темнели пятна крови.

Следуя по дорожке из цветов, она шла на зов, который манил все дальше:

— Ты одна из нас! Ты одна из нас!

Подул ветер, он окутал ее тело серой пеленой, звезды усилили свой свет, и их серебряные лучи вплелись в эту облачность. Ирина почувствовала жжение в лопатках, казалось, кожу разрезало изнутри. Она согнулась, и позади нее распахнулись огромные черные крылья.

Не веря своим глазам, она гладила перышки на крыльях. Ну надо же...

— Лети! — Шепот был нетерпеливым, зовущим.

Она взмахнула крыльями. Как это делается, надо разбежаться? Подпрыгнуть?